

Алиса
Игнатьева

МОЯ
МАЛЕНЬКАЯ
АННА

18+

Алиса Игнатьева
Моя маленькая Анна

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Игнатьева А.

Моя маленькая Анна / А. Игнатьева — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Если убежать? Так далеко, что воспоминаниям не угнаться за тобой... Прихватив лишь ноутбук и пару платьев, Анна сбегает из своей жизни, оставляя позади мужа, дом, родных и близких людей. Туманная Великобритания принимает беглянку в прохладные объятия. Здесь можно отдохнуть, отдышаться от боли, чтобы никогда больше не впускать в своё сердце непрошенных гостей. Но у судьбы для Анны свои планы — вместо тихой и размеренной жизни ей уготованы новые испытания и новое чувство...

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвёртая	20
Глава пятая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Предисловие

В серый холодный полдень посетителей в кафе было немного. За стеклом мелко моросил осенний дождь, вынуждая озябших прохожих ускорять шаги в поисках тепла. Все они пробежали мимо массивной двери с золотой вывеской и пышным венком из остролиста, напоминающим о приближении Рождества. Которую неделю Лондон не радовал погодой даже привычных к сырости местных жителей.

Бариста лениво колдовал над чашечкой кофе, выводя стружкой взбитых сливок затейливый узор на тугой пенке. Развешанные под потолком гирлянды сонно перемигивались тусклыми огоньками, добавляя нотку мистики атмосфере маленького кафе.

Официантка привычным жестом подцепила крошечную чашку, водрузила ее на деревянный поднос, и, нарочито виляя бедрами, направилась к молодому мужчине за дальним столиком. Ловко разложив перед ним приборы, кофе и блюдечко с нежнейшим кексом, она поинтересовалась у гостя, не нужно ли ещё что-то, вложив в эти простые слова все обаяние своего голоса. Получив отрицательный ответ, официантка понуро удалилась. У входа в кухню девушка обернулась на равнодушного посетителя и грустно вздохнула. Уж очень заинтриговал её этот человек с красивым задумчивым лицом.

А тот смотрел в окно, погружённый в свои, недоступные никому мысли, не замечая ни симпатичной официантки, ни восхитительного аромата кофе.

Парень был действительно, по-настоящему, красив. Светло-русые волосы небрежными прядями спадали на лоб, кожа – безупречного молочного оттенка, пожалуй, даже слишком белая, но к его загадочному образу это шло. Глаза какого-то странного оттенка зелёного, можно назвать его цветом неспелой оливки, смотрели отрешённо сквозь заплаканное окно. Чувственные губы, которым бы томно улыбаться, наполняя надеждами всех девиц в округе, были чопорно сложены в суровую жесткую линию. Словом, этот молодой мужчина, с ног до головы одетый в чёрное, являл собой завораживающее зрелище.

Напротив входа в кафе остановилось жёлтое такси, звонко разбавив серые краски улицы. Из машины, грациозно и уверенно двигаясь, вышла эффектная девушка в тёмно-синем плаще, резко контрастирующем с ее волосами, выбеленными в яркий блонд. Ещё мгновение, и красавица стоит в скромном холле небольшого заведения и, прищурившись ищет кого-то взглядом. Вдруг лучезарная улыбка осветила её лицо, и энергичной походкой она направилась в самый конец зала.

«Ну, конечно...» – обиженно подумала официантка, глядя, как более удачливая соперница сбрасывает с себя плащ, предъявляя пытливому взору идеальную фигуру в стильном платье, и усаживается рядом с таинственным гостем.

– Здравствуй, Хайд, – произнесла девушка звучным высоким голосом.

– Здравствуй, Дженни, – ответил ей молодой человек.

Его голос был низок и обладал лёгкой хрипотцой.

Они долго и внимательно разглядывали друг друга. Со стороны могло показаться, что это встреча бывших любовников после долгой разлуки. Видно было, что видятся они далеко не впервые, но это их свидание наделено особенным смыслом, нежели простая встреча.

– Как ты? – первым нарушил молчание парень.

Девушка криво усмехнулась и развела руки в стороны.

– Стараюсь собрать себя в кучу и жить дальше.

– А что с ребёнком? – спросил парень.

Девушка вскинула на него встревоженный взгляд и быстро спросила:

– Откуда ты знаешь о Майкле?

– Майкл? Так у них родился мальчик, – парень глубоко вздохнул и устало закрыл глаза рукой. – Так что с ним стало? – вновь произнес он, убрав руку от лица.

– С ним всё хорошо, – ответила девушка. – Он сидел сзади в детском кресле, и поэтому все обошлось... Щёчку слегка поцарапало битым стеклом. Так откуда ты о нём знаешь? Они не афишировали его рождение.

– Интернет, вездесущий интернет... – ответил с горькой усмешкой парень. – Случайно наткнулся на статью: «Поздравляем мистера и миссис Хэмптон с рождением их второго ребёнка... бла-бла-бла...». И ни слова о том, мальчик это или девочка. А потом другая статья: «Трагедия унесла жизни известной писательницы Анны Хэмптон и её супруга Джорджа Хэмптона...». Сеть всё про всех знает...

Девушка низко опустила голову, стараясь скрыть подступившие слёзы. Парень накрыл её стиснутый кулачок своей большой ладонью.

– Тяжело, милая... Это очень тяжело... Но ты сильная девочка, и всегда такой была. У тебя есть Пол. Всё встанет на свои места, нужно лишь время... Много времени.

Из глаз девушки упало несколько слезинок на глянцевую поверхность стола. Парень смотрел на хрустальные капельки пустым взглядом, и думал о своём. Наконец, его собеседница справилась с эмоциями и смогла посмотреть на него. Только сейчас она заметила бледность на его щеках, и как осунулось лицо, и тонкие морщинки скорби, протянувшиеся от крыльев носа к уголкам губ.

– А как ты, Хайд? Как ты с этим справляешься? – спросила она, обнаружив в его глазах отражение собственной боли.

– Сложно сказать, – не глядя на неё сказал он. – Я и сам не знаю. Раньше все было просто. Я ходил на работу, обустроивал свою квартиру, общался с какими-то людьми. Занимался своими делишками. И хоть я знал, что едва ли увижу её снова, я знал и то, что она просто есть. Что-то делает, с кем-то болтает, куда-то ходит. Сидит в кресле, скрестив ноги, и строит в своем ноутбуке, а её глаза смешно бегают туда-сюда. И мне большего не нужно было. Тогда... А сейчас... – парень помолчал, наблюдая, как девушка салфеткой вытирает со стола собственные слёзы. – Сейчас я пуст. Так же хожу на работу, общаюсь с людьми, но это все не я. Словно какой-то скучный сериал прокручивается передо мной. Ни в чем нет смысла. Просто не за что ухватиться.

Он замолчал. Девушка тоже молчала. Она терзала рукой ремешок своей сумочки, сильно нервничая.

– Как все произошло? – глухо задал он мучавший его вопрос.

– Просто случайность, – безжизненным голосом ответила девушка. – Он был за рулем, она рядом. Огромный джип выехал на встречную полосу. Вот и все... Он умер сразу, а она протянула ещё несколько часов. Я успела увидеть её в реанимации. Услышать последние слова...

– Что она сказала? – напряжение в его голосе заставило ее вздрогнуть.

– «Сделай все для Майки» ...

– Вы усыновите его? – спросил парень, спустя долгие минуты тягостного молчания.

– Кого? – не сразу поняла девушка. – Ах, Майкла? Сейчас я установила над ним опеку, на тот момент это был самый простой и быстрый вариант. Теперь готовимся к следующему шагу.

Парень кивнул.

– Вы справитесь. Будете хорошими родителями.

И вновь повисла тишина. Девушка ёрзала на месте, пытаясь решиться на какой-то важный для неё шаг, а её друг разглядывал расплывшийся рисунок на своём давно остывшем кофе.

– Хайд, – она внезапно заговорила.

Тот поднял взгляд и даже испугался выражения её лица. Девушка открыла свою сумочку и извлекла из неё выдавшую виды толстую тетрадь и увесисто шлёпнула её на стол перед парнем, отрезая себе пути к отступлению.

– Что это? – удивился он и потянул было руку к потрёпанным страницам.

– Нет! – девушка предупреждающе закрыла тетрадь ладонью. – Прочтёшь потом, когда я уйду. Это... Это очень важно... Это её работа, последняя...

– Её последний роман? – парень со священным трепетом уставился на цветную обложку со следами чернил.

– Я не знаю, как это назвать. Это всё же роман, но едва ли она готовила его к печати. В общем, сам поймешь. Я должна была это сделать.

Парень уже не слушал. Он любовно гладил тетрадь, словно редчайшую реликвию.

Девушка достала ручку и что-то размашисто написала на салфетке.

– Это гостиница, где мы с Полом остановились. Мой номер у тебя есть, – она поймала его взгляд и сказала с нажимом, глядя прямо в глаза, с непонятым для него выражением лица. – Как только прочтёшь, позвони мне. Я не уеду отсюда без твоего звонка.

Он кивнул и потянулся за своей курткой, осознав, что встреча подошла к концу. Они поднялись и вместе вышли из кафе. Такси, на котором приехала девушка, ожидало на своём месте.

– Подвезти? – спросила девушка, закутываясь в плащ.

Парень лишь помотал головой. Они обнялись и разошлись, каждый своим маршрутом, разойдясь затем в разные стороны.

Молодой человек прошел пару кварталов пешком, не обращая внимания на дождь. Тетрадь он спрятал под куртку, чтобы она не намокла. Вскоре он почувствовал, как холод подобрался к его телу, и поймал первое попавшееся такси.

Дома он скинул промокшую куртку, аккуратно повесил её на вешалку, расправив все складки. Затем переоделся в домашнюю одежду, закинул мокрые брюки в стиральную машину, вытер ботинки сухой тряпкой, поставил их сушиться и прошёл в кухню, чтобы включить электрический чайник. Он нарочно оттягивал момент, когда откроет заветную тетрадь. Интуиция подсказывала, что содержание рукописного текста имеет прямое к нему отношение.

Наконец, заварив крепкий чёрный чай, парень расположился на кровати с тетрадь в одной руке и кружкой в другой. Отпив глоток обжигающей терпкой жидкости, он отставил кружку в сторону и открыл тетрадь. От страниц едва уловимо повеяло ароматом жасмина. Знакомый летящий почерк бросил в глаза случайно выхваченные слова и фразы. Парень зажмурился и глубоко вздохнул. Это было нелегко. Всего несколько месяцев назад женщина, написавшая эти строки, жила, смеялась, грустила, качала на руках своего малыша, а теперь, единственное, что ему осталось – тетрадь с родным запахом.

Парень вновь открыл глаза. Сделав свет настольной лампы ярче, он устроился поудобней и стал читать.

«Вот я и решила... – повествовала автор, – Сегодня я начинаю писать историю, единственным читателем которой буду только я.

Зачем я это делаю? Хороший вопрос.

Наверное, хочу запечатлеть на бумаге свои чувства, в доказательство того, что эти чувства были мне доступны. Чтобы моя память, меняясь и мутируя с годами не превратила тебя, мой мальчик, в размытую фигуру без лица. И чтобы в любой момент, когда только пожелаю, я могла взять свои воспоминания в руки и ещё раз убедиться, что ты мне не приснился.

Итак, я буду писать роман. Роман о коротком клочке моей жизни, в котором постараюсь передать образы всех героев максимально близко к реальности.

То, чего я не могла знать, проживая тот период, я восстановила из последующих откровенных разговоров с каждым из вас. Даже с тобой. Да-да, я помню все твои рассказы. С жадным любопытством и маниакальной дотошностью собирала я по крупицам ваши мысли и чувства, чтобы максимально точно воссоздать все те волнительные события.

Пожалуй, позволю себе немного кокетства. Хочу быть на этих страницах такой, какой меня видел и воспринимал только ты. Сама я куда более скромного о себе мнения.

Мой роман будет на девяносто восемь процентов биографичным. Два процента я оставлю своей фантазии. Не слишком много для того, чьим ремеслом как раз и является фантазия.»

На этих словах заканчивалась первая страница. Теперь у взволнованного читателя не было никаких сомнений, что речь пойдет о самой счастливой и самой болезненной поре его жизни. Вдохнув полной грудью, он перевернул лист.

Глава первая

Доводилось ли вам испытывать жгучее желание проникнуть в чужие мысли?

Понять истинные мотивы тех или иных поступков другого человека? Достоверно узнать, что движет вашим другом или врагом в их действиях?

Лично мне – да. И далеко не раз. По роду своей писательской деятельности я частенько ломала голову над помыслами своих знакомых и малознакомых личностей. Мне всегда хотелось понять их суть, понять, что происходит у них в головах, чтобы запечатлеть самых аутентичных персонажей в своих книгах.

Это все очень забавно. Очень... Но, поверьте, далеко не так забавно, как копаться в собственной голове. Отстраниться и холодным умом наблюдать свои личные мотивы в той или иной ситуации. Иногда это довольно весело, иногда – грустно, а порой – стыдно...

Возьмем, к примеру, вот эту незнакомку, что стоит сейчас у дверей «Кэпитал Гриль», смешно шурясь от спящего нью-йоркского солнца.

Эта хрупкая миниатюрная женщина растерянно озирается по сторонам. Непослушная прядка каштановых волос выпала из строгой прически и легкомысленно колышется на ветру. Тонкие аристократические брови сошлись к переносице в попытке защититься от яркого света синие глаза своей хозяйки. Строгий брючный костюм не может ввести в заблуждение относительно изящной фигуры, прямая спина и красиво развернутые плечи красноречиво говорят о природной грации их обладательницы. Хотя едва ли она отдает себе отчет, что привлекает пристальное внимание противоположного пола, воспринимая свою внешность как досадное недоразумение.

Её зовут Анна Хэмптон. И я приглашаю вас в её жизнь.

«Тридцать шесть лет!.. – проносится сейчас в голове у Анны. – Как же я умудрилась забыть про день своего рождения?!»

После спокойной и тихой атмосферы ресторана шумный поток машин Сорок Второй Стрит оглушил Анну. Даже прожив в Нью-Йорке восемнадцать лет, она так и не смогла привыкнуть к его темпу. Торопливо перебежав дорогу на перекрестке, Анна села в свой синий «BMW» и завела мотор.

Из года в год свои дни рождения Анна традиционно отмечала в кругу семьи. Так уж повелось с незапамятных времен, что дни рождения мужа и дочери отмечались шумно и весьма многолюдно, а её – был исключительно домашним и уютным праздником.

Но в этот раз четырнадцатое августа казалось ничем не примечательной датой. Погрузившись с головой в свои будничные хлопоты Анна и думать забыла об этом дне.

Ранним утром она уже была в огромном книжном магазине на углу Бродвея и Двенадцатой улицы, где провела презентацию своего последнего романа, битых четыре часа отвечая на всевозможные вопросы и раздавая автографы. После чего, совершенно измотанная, Анна помчалась в другой район Манхэттена на встречу с Финчем, своим издателем. Проголодавшись, она увлеченно занялась едой, а галантный Финч понимающе дожидался момента, когда можно будет заговорить. Их отношения сложно было назвать сугубо профессиональными, они длились уже много лет. В свое время Мингус Финч поверил в юную, никому неизвестную начинающую писательницу, и рискнул издать её первую книгу за свой счёт. С той поры прошло много времени, но Анна не забыла, кому была обязана началом своей карьеры. На все попытки более известных издательств переманить её под своё крыло она всегда отвечала отказом, и Финч ценил это.

Проводить свои деловые встречи в неформальной обстановке стало традицией для старых знакомых. И в этот раз оба выкроили время из своих насыщенных графиков, чтобы не

спеша поговорить о своих буднях. По завершению трапезы белый конверт с гонораром приятно утяжелил дамскую сумочку Анны.

Теперь ей предстояла менее радостная встреча с агентом по недвижимости, который занимался арендой домика в Англии. Волокита с этим домом уже порядком утомила Анну, она длилась уже не один месяц. Дочь уезжала учиться в другую страну, и Анна с болью отпускала её от себя. Чтобы хоть как-то успокоить своё сердце, она решила снять небольшой домик в Англии и пожить там пару месяцев, пока не убедится, что её ребёнок самостоятельно справляется со взрослой жизнью на чужбине. Эта затея с самого начала натыкалась на разнообразные препятствия, – то долгое время не попадался подходящий дом, то, когда выбор был уже сделан, другая сторона вдруг отказалась от сделки, не объясняя причин. А в последний раз договор был почти заключен, но делу помешал неожиданный, представьте себе, пожар. Всё осложнялось ещё и тем, что у них не было возможности посетить будущее жилище и увидеть его собственными глазами. Выбирать приходилось по снимкам, которые их агент присылал на электронную почту. И вот теперь, когда жильё было найдено и утверждено на семейном совете, Анне позвонил Элл и окончательно закружил ей голову, известив, что присмотренный ими дом теперь и вовсе продаётся, причем по смехотворно низкой цене.

«Вы можете выгодно вложить деньги в эту недвижимость, – вещал в трубку Элл, – уже через год вы продадите её в полтора раза дороже, а если ваша дочь будет жить в этом доме весь период обучения, уверен, вы удвоите свою выгоду. Анна, я настоятельно рекомендую вам сделать это, такая возможность предоставляется раз в сотню лет. Кроме того, вам не придётся каждый раз подыскивать себе жильё, когда вновь соберетесь навестить вашу девочку».

Его назойливый голос буквально ввинчивался в мозг, должно быть, это профессиональная черта всех агентов по недвижимости. Всю неделю Анна взвешивала «за» и «против», окончательно потерявшись во времени. Обведя в ежедневнике четырнадцатое число красным маркером, она написала напротив – «встреча с занозой Эллом». И ничто не отозвалось в её памяти.

«Погоди-ка, а Джордж? – Анну озарило, – не мог же и он позабыть?!»

Она нехотя вырулила на Третью авеню и неторопливо повела машину, дорогой размышляя над новым обстоятельством.

Ну, конечно же, Джордж не забыл. Наверняка, всё утро посмеивался про себя, глядя как она мечется по дому в поисках своей сумочки, на ходу допивая остывший чай. И, конечно же, он давным-давно приготовил подарок, который вручит сегодня вечером в свойственной ему преувеличенно шуточной манере.

На светофоре Анна решительно вывернула руль в сторону, противоположную той, куда собиралась повернуть секунду назад.

«Домой!» – пропела её душа.

Свободной рукой она уже набирала Эллу. Минута не слишком приятного разговора, и встреча перенесена на другой день.

Анна мгновенно излечилась от напряжения и усталости. Она предвкушала неожиданную встречу с любимым мужем и рисовала в воображении его лицо, когда застанет его врасплох за приготовлением сюрприза.

Тут нужно обязательно рассказать, как жилось нашей Анне с её замечательным супругом.

Итак, они были женаты долгие семнадцать лет. Познакомились ещё в университете, когда Анна посещала подготовительные курсы, а Джордж уже успешно заканчивал магистратуру. На летних каникулах ему, как и многим другим старшекурсникам, поручили встречать и курировать группы поступающих. Ему досталась группа Анны.

Она до сих пор удивлялась, с чего вдруг двухметровый красавец-брюнет, пользовавшийся неоспоримым успехом у всей женской половины Государственного университета штата Нью-Йорк, включая немолодых преподавательниц, обратил внимание на маленькую, ростом немногим более полутора метра, худенькую семнадцатилетнюю девушку. Всего-то и было в

ней – огромные синие глаза и копна густых вьющихся волос цвета темного шоколада. Да ещё не сходящая с лица наивная жизнерадостная улыбка.

Поклонники у Анны все же водились, что крайне удивляло её саму, и среди них бытовало мнение, что она похожа на маленькую изящную нимфу и очень мило сложена.

Анна и сегодня, в свой тридцать шестой день рождения выглядела как девочка, чего крайне стеснялась. Она не была костлявой и сухой, как это часто бывает с шуплыми в юности дамами. Её фигура напоминала азиатский тип женщин – ростом ниже среднего, с маленькими кистями и ступнями, небольшой высокой грудью, тонкой талией и стройными ногами. Консервативными деловыми костюмами, пучком волос на затылке и сдержанным макияжем она тщетно старалась придать себе солидности. Серьёзное выражение лица нет-нет, да и прysłнет девичьим смехом. Но всегда Анна старалась помнить, что она уже, как-никак, маститая писательница, замужняя женщина и мать взрослой дочери, и спокойное умиротворение прогоняло неуместное веселье.

К слову, дочь Анны – Дженни, – была на голову выше своей матери и отличалась весьма женственными для вчерашней школьницы формами, от чего Анну и вовсе коробило. Джордж подливал масла в огонь, называя обеих – мои дочери. Особенно он любил представлять их так новым знакомым, жутко смущая свою чувствительную жену.

Вспоминая прожитые с Джорджем годы, Анна не могла припомнить ни одной крупной ссоры. Трудно было найти двух более разных по темпераменту людей, но они, как ни странно, прекрасно подходили друг другу.

Их жизнь можно было сравнить с широкой ровной дорогой, без ям и ухабов, без резких поворотов. Даже в самые трудные годы, когда родилась Дженни, и Хэмптоны едва могли оплачивать счета, в их семье царил безрассудное счастье. Они поженились в сентябре, как только Анна поступила в университет. Она родила в неполных девятнадцать, и ей пришлось совмещать дальнейшую учебу на журналистском факультете с уходом за ребёнком. Джордж доучивался последний год в магистратуре. Он был вынужден отказаться от своих планов защитить докторскую и пошел работать сразу после окончания университета. Но, несмотря ни на что, они всегда были безмятежно довольны, не замечая ни новых трудностей, ни материальных проблем, ни физической усталости. Когда Анне поочередно помогали их с Джорджем родители, она умудрялась выкраивать время между стиркой, уборкой и штудированием учебников, чтобы писать статьи в один популярный в то время журнал, а после и вовсе начала писать любовные романы и, надо сказать, весьма в этом преуспела. Впоследствии, это определило судьбу Анны. Хотя она мечтала о карьере журналистки, восторженные отзывы читательниц побудили её не сходить с проторенной тропы, да и прибыль от книг со временем стала очень солидной. Джордж также преуспел в бизнесе, что сделало их семью даже состоятельной. В Гринвич-Виллидж у них была чудесная двухэтажная квартирка с пятью спальнями и тремя ванными комнатами. В общем и целом, их жизнь удалась.

«Идеальный брак», – подвела итог Анна, улыбаясь избитой фразе, как нельзя лучше характеризующей их крепкий союз.

Она повернула на свою улицу, и машина заскользила вдоль тенистого тротуара.

Приближаясь к дому, в поле зрения Анны неожиданно попал Джордж. Он стоял с незнакомой женщиной на тротуаре, прямо напротив дверей их дома. Даже одного взгляда хватило, чтобы заметить яркую красоту незнакомки. Но ещё больше удивления вызвал тот факт, что Джордж цепко держал за руку эту красавицу. Та игриво пыталась вырваться, но он вдруг пригнул её к себе и поцеловал.

Поцелуй прекратился ровно в тот миг, когда Анна остановила машину рядом с ними. Джордж неосознанно обернулся на звук и встретился взглядом со стеклянными глазами своей жены.

Не осознавая своих действий, Анна открыла дверцу и вышла из машины. Она смотрела на женщину, чью руку Джордж так и не выпустил из своей. Вблизи она выглядела совсем юной, лет двадцать пять, не больше. Брюнетка с пухлыми губами, броско покрашенными бордовой помадой. Анне пришлось запрокинуть голову, чтобы поймать её взгляд – рост у девушки был под стать Джорджу.

А он, наконец, обрел дар речи и прервал эту мучительную немую сцену:

– Анна... – голос мужа, несмотря на чудовищность ситуации, был удивительно спокоен, – Я думаю, нет нужды в словах. Ты сама все видишь... Это Эйприл.

Эйприл сделала попытку улыбнуться, но, встретившись с ледяным взглядом Анны, отвела глаза в сторону.

– Я давно хотел сказать тебе об этом, – продолжал между тем Джордж. – Но как-то не мог найти подходящий момент. Ты сама, должно быть, заметила, что наш брак исчерпал себя, и нам обоим пора двигаться дальше. Сейчас, ты конечно же, в шоке... Ты сможешь начать новую жизнь, я уверен в этом. Тяжело будет только первое время...

Анна подняла на него свои огромные глаза, а Джорджу вдруг не к месту вспомнилось, как вот так же, в первую их встречу, она вскинула на него эти глаза синего цвета, только выражение их тогда было совсем иное... На сердце у него было очень тяжело, хоть он и репетировал этот разговор в своих мыслях не одну сотню раз. Но именно сейчас он был не готов. Он стоял напротив двух женщин, и понимал, что жизнь с этого момента не будет прежней. Этого он желал, и этого он всё равно боялся.

– Мне надо идти, – сказала Анна и пошла к двери своего дома.

– Ты хочешь поговорить? – спросил ей вслед Джордж.

– Нет, – голос не подвел, теперь главное дойти до двери, открыть её и запереть за собой. Простой алгоритм действий, но Анне потребовалось собрать все свои силы, чтобы выполнить его.

Она села на пол прямо посреди прихожей и закрыла глаза. Тело ослепло и оглохло. Мысли вихрем носились в голове: «брак исчерпал себя...», «ты сможешь начать новую жизнь...», «Эйприл...».

Неожиданно для самой себя она хохотнула. Нервный вышел смешок. Анна вспомнила свои мысли по дороге домой, как представляла Джорджа готовящим ей сюрприз.

Что ж, нечего возразить – сюрприз удался! Такого она и предположить не могла. Болезненный спазм сдавил её горло.

«Тсс... Не плачь!», – сказала себе женщина.

Анна занималась йогой уже много лет, это помогало расслабиться, настроиться на работу. И в этой критической ситуации она не нашла ничего лучше, как сесть в привычную позу и делать дыхательные упражнения до тех пор, пока бешено стучащее о рёбра сердце не затихло в груди. Впоследствии, ей сложно было сказать, сколько времени она так просидела. Когда Анна поднялась на ноги, закат уже окрасил дома за окном в персиковые тона. Джорджа и его пассии давно уже не было.

Обернувшись к зеркалу, Анна вздрогнула, поразившись своим блестящим, как влихорадке, глазам. Решение созрело в одну секунду.

Обведя взглядом привычную обстановку дома, все эти милые сердцу безделушки, любовно охраняемые ею от пыли, Анна почувствовала неудержимо нарастающую в душе злобу.

Как ловко водил он её за нос все это время! Как добр и снисходителен был этот человек, позволяя Анне жить в иллюзиях и строить планы на будущее. На их совместное будущее, – зная, что ничему из этого не суждено сбыться!

Великодушный, милосердный Джордж Хэмптон! Как любезно с твоей стороны было дать твоей дурочке-жене до последнего момента пребывать в радужном неведении! Умилялся ли

ты сам себе, своему малодушному состраданию, выслушивая разнообразные предложения о совместном отдыхе перед отъездом дочери в Англию?

Как многие спокойные и терпеливые люди, оказавшиеся в крайней степени отчаяния, Анна возжелала одним махом вырвать все корни, оборвать все нити и связи в своей жизни.

Телефон в руках, пальцы находят нужный номер. Длинные гудки, щелчок соединения:

– Алло? – высокий мужской голос в трубке.

– Элл, это снова Анна. Я беру дом.

– В смысле?! Покупаешь?! – Элл опешил.

– Именно. Подготовь все бумаги и как можно скорее.

Второй звонок. На этот раз в трубке звонкий девичий голосок:

– Привет, мам! С днём рожденья! Я проснулась, а тебя уже нет. Надеюсь, папа ничего тебе не рассказал, потому что я сама...

– Дженни, – перебила Анна, – мы с твоим папой расходимся. Я уезжаю жить в Эксетер, в тот самый дом, я покупаю его. Ты можешь уехать со мной сейчас, можешь остаться с папой до начала занятий.

Пауза в трубке была слишком короткой.

– Я с тобой.

– Отлично. Я соберу наши вещи.

Глава вторая

Дженнифер Хэмптон... Плод любви совершенно непохожих друг на друга людей. Огонь и лёд... То подаглива, как воск, то упряма, как тысяча ослов. Она была умна, красива и слишком уверена в себе для такой юной особы. Свои каштановые, вьющиеся от природы волосы Дженн упорно осветляла и стригла в короткое задорное каре, не слушая причитаний бабушки и тётушек. Её, такие же как у отца, чайно-карие глаза в обрамлении густых чёрных ресниц и тёмные изогнутые брови резко контрастировали с нежным платиновым цветом волос, делая, и без того яркую внешность, ещё эффектней. Обладая высоким ростом, она имела роскошную фигуру, очень женственную – хорошо сформировавшуюся грудь, высокие крутые бёдра, стройные, в меру мускулистые ноги черлидерши и тонкую девичью талию. Мужчины всех возрастов, кто украдкой, а кто в открытую, оглядывались на неё, провожая мечтательным взором. Но острый язычок позволял Дженни без труда отсеивать сомнительные знакомства.

Она всегда была в центре внимания, умудряясь заводить друзей абсолютно в любых ситуациях. Казалось, ей неведомы сомнения, да и вообще какие-либо долгие размышления. Её решения невозможно было изменить, Дженни всегда брала от жизни то, что хотела. Когда она заявила, что надумала учиться в Англии, в Эксетерском университете, что расположился в графстве Девоншир, более чем за пять тысяч километров от дома, никому и в голову не пришло её отговаривать, хотя найти хороший университет можно было и поближе. Анна лишь предложила полететь с ней на пару-тройку месяцев, чтобы посмотреть, как дочь устроится в незнакомом месте.

Несмотря на внешнюю эксцентричность, Дженнифер была одаренной и целеустремленной личностью. Учителя, высоко оценившие умственные способности своей ученицы, предложили ей пройти программу «A-Level», обязательную для всех поступающих в высшие учебные заведения Великобритании, всего за один год, вместо положенных двух. И Дженни блестяще справилась. Теперь она была одной из немногих, если не единственной, кто поступал в университет не достигнув восемнадцати лет.

«Папина копия», – хором говорили друзья и родственники, имея в виду как пробивной характер, так и притягательную внешнюю оболочку.

Откуда было им знать, как безумно Дженни хотела быть похожей на свою маму! Она боготворила её. Да, она обожала и отца, – его невозможно было не любить с этим сверхъестественным обаянием. Но мама... Мама была недостижимым идеалом с её тактом, тонким умом, элегантным чувством юмора, бесконечной терпимостью и добротой к окружающим.

Дженни небезосновательно считала, что по-настоящему сильный и волевой человек в их семье далеко не отец. Мама была стальным стержнем в нежной зефирной оболочке.

Когда Дженни было восемь, она умудрилась сломать руку, играя на заднем дворе, – упала с дерева. Отец был в панике и метался вокруг неё как обезумевшая наседка, не в состоянии решить, что нужно сделать в первую очередь. Бежать за телефоном и оставить плачущую дочь на земле, или занести сперва её в дом? Можно ли вообще её трогать в этом состоянии?! Сама Дженни рыдала от боли и ужаса, её рука висела как плеть и опухала с катастрофической скоростью.

Анна, узрев из окна это трагическое происшествие, сразу же вызвала скорую. Достав из аптечки обезболивающий спрей, она вышла во двор и со спокойной улыбкой направилась к дочери.

Увидев маму улыбающейся, Дженни сразу поняла, что теперь все будет хорошо. Анна опрыскала место перелома, и боль стала терпимей. Не столько от спрея, сколько от уверенности Дженн в действиях своей матери. Пока ехала скорая, Анна в красках рассказывала дочери, как лихо та будет выглядеть с загипсованной рукой на дне рождения своего кузена, и как будут

завидовать все мальчишки – ведь она ни капельки не испугалась. К приезду скорой Дженн была уже рада такому повороту событий.

И так было всегда. Что бы ни происходило в её бурной жизни, насыщенной приключениями, она знала, что хрупкая нежная мама всё исправит, успокоит, и научит по-новому смотреть на любую неприятность. Особенно трепетно Дженни ценила в отношениях с матерью искреннюю и надёжную дружбу. Ей было с чем сравнивать, – в среде знакомых такие отношения были редкостью.

Потому, услышав сегодня такие страшные слова от мамы, Дженни ни на секунду не усомнилась, – раз та произнесла эти слова вслух, значит все уже решено. Отговаривать бесполезно. И она сразу сказала:

– Я с тобой.

Услышав короткие гудки, Дженн ещё с минуту смотрела на свой ярко-оранжевый смартфон, недоумевая, как такая привычная и безобидная вещь может в один миг перевернуть жизнь с ног на голову.

Все планы на прощальную вечеринку, поездка на озеро с друзьями и многое другое, что она наметила на этот последний месяц лета, – все испарилось. Осталось главное – она нужна своей матери. Значит, они вместе будут жить в Англии, пока Дженни учится, и после окончания учёбы мама останется там навсегда. И дочь больше не увидит родителей под одной крышей. Никогда.

Дженнифер так и стояла посреди улицы с телефоном в одной руке и только что купленным букетом цветов в другой. Пышные сиреневые пионы, – любимые цветы Анны, – казались теперь неуместными в этой новой реальности.

Девушка не торопясь пошла домой, понемногу приспосабливая свои мысли на новый, неожиданный лад.

Она давно подозревала отца в измене. Они были слишком похожи, чтобы Дженни не почуяла неладное. Она ясно чувствовала – отец кем-то увлечен. Сколько раз их семейные беседы прерывал телефонный звонок, и он торопливо выходил из комнаты, чтобы ответить. А потом возвращался, надев на лицо свое обычное расслабленное выражение, словно маску.

Мама не замечала ничего. Но Дженни знала отца как саму себя. Она сразу разглядела старательно скрываемый блеск в глазах, и едва уловимое возбуждение после каждого такого звонка.

Посмотрев однажды в глаза отцу чуть пристальней, чем обычно, она с ужасом обнаружила, что он виновато отводит их в сторону. Обладая женской проницательностью, развитой у нее совсем не по возрасту, Дженн разумно предположила, что это временная интрижка, и в скором времени все вернется на круги своя. Не может же папа не понимать, что его жене никто и в подметки не годится?

И вот теперь этот звонок от матери. Наверное, он сказал ей. Или, что еще хуже, она их застучала. Бедная мама!..

Дженн ускорила шаги.

По дороге телефон вновь ожил, радостно исполняя последний хит этого лета. Дженн посмотрела на экран, – «Папа», – вздохнула и взяла трубку.

– Дженни, милая, – раздался сочный густой бас. – Где ты, малышка?

– Пап, я иду домой, – последовал короткий ответ.

– Я хотел бы поговорить с тобой прямо сейчас.

Дженн не могла ему отказать, честно говоря, она надеялась отговорить хотя бы его от необдуманных поспешных действий.

В кафе на Макдугл-стрит было всегда безлюдно в это время дня. Лишь небольшая компания молодежи да две влюбленные парочки занимали столики у стен. В полумраке Дженни

увидела папу со спины. Он сидел как-то неловко сторбившись, сразу бросалось в глаза, что ему уже сорок. Сердце Дженни вдруг сжалось от нежности и жалости.

– Привет, па! – Дженни бросила себя на стул, а букет цветов на стол.

– Пионы? – он вздрогнул всем телом. – Ох, чёрт!

Лицо его исказила довольно жалкая гримаса. Внезапно ощутив прилив жгучего стыда, Джордж с тоской разглядывал лежащие перед ним цветы. Повисла неловкая пауза. Дженни рассеянно смотрела на проделки Чарли Чаплина за спиной отца. В этом кафе круглосуточно работал кинопроектор, крутивший старые чёрно-белые фильмы.

– Дженни... – папа остановился, пытаясь подобрать нужные слова.

– Пап, я все знаю, – Дженни посмотрела ему в лицо. – Просто ответь, ты уверен?! Уверен, что это твой человек, и что спустя неделю тебя снова не потянет к маме?

– Мама тебе рассказала?

– Сама не слепая. Ты же знаешь, я насквозь тебя вижу, – Дженни нервно перелистывала страницы меню.

– Вот уж не думал, – Джордж издал звук, отдаленно напоминающий смех. – Мой маленький рентген в юбке... Отвечаю на твой вопрос – да, Дженни, я уверен. Эйприл – чудесная девушка, и у нас все серьезно.

– Значит, Эйприл... – Дженни брезгливо поморщилась. – Ты знаешь, что мама собралась переезжать в Эксетер со мной?

– Да, я знаю. На два-три месяца. Это давно ведь решено. Я постараюсь навестить вас... если мама позволит.

К ним подошла официантка, и они прервали разговор, чтобы сделать заказ. Дженни, как всегда, выбрала несколько десертов и кофе с сахаром и сливками. Джордж усмехнулся про себя, – даже в такой непростой ситуации его дочка верна себе. Сам он заказал только крепкий чёрный чай.

То короткое время, пока готовился их заказ, они молчали. Каждый думал о своём. Вернувшаяся с подносом официантка ловко расставила перед Дженни маленькие блюдечки с пирожными и бесшумно опустила большую чашку чая для Джорджа на матовую поверхность стола.

Дженни сразу принялась за еду. Отец молча наблюдал за ней.

– Ты неправильно понял, пап, – произнесла, наконец, Дженни, когда тарелки наполовину опустели. – Мама уедет не на три месяца. Она будет жить там постоянно. Я не очень-то поняла, но, похоже, она собирается купить тот дом... Тот самый, который мы хотели снять.

Отец понуро уставился в пустую чашку. Видно было, что эта новость оказалась для него большой неожиданностью.

– Да... – выдавил он. – Если Анна приняла такое решение... – он задумался. – Но когда она успела все это решить? Мы виделись всего пару часов назад. Эйприл сказала, что нужно дать ей время прийти в себя... Не ожидал, что она тут же начнет рубить с плеча.

– Мама видела вас вдвоем? Застукала?! – Дженн вцепилась в руку отца, теребящую салфетку.

– Да... Но не совсем... – отец помолчал, размышляя. – В общем, да. Эйприл заходила ко мне днём, после твоего ухода. Я провожал её, мы ждали такси у дома. И тут подъехала твоя мама...

– Не хочешь ли ты сказать, что вы занимались этим в вашей спальне?! – Дженн отпрянула от отца, отшвырнув его руку как дохлую змею.

– О, господи! Дженнифер! Конечно, нет!!! За кого ты меня принимаешь?! – отец искренне возмутился.

– Да за мужика, притащившего любовницу в наш дом! – эмоции вырвались из Дженни, как воздух из лопнувшей покрывки. – Бедная мама! Представляю, как она стояла там и смот-

рела на вас! На неё!!! Что же ты наделал, папа!.. – девушка закрыла лицо руками, пытаясь унять непрошенные слёзы.

Джордж дал дочери время, чтобы успокоиться. Когда её плечи перестали судорожно вздрагивать, он заговорил тихим вкрадчивым голосом:

– Дженни, дочка... посмотри на меня, – Дженни отняла руки от лица, показав ему потёкшую тушь и мокрые глаза. – Поверь, я и сам не рад, что все так получилось... Я действительно хотел поговорить с мамой, рассказать всё, как есть. Но я никак не мог найти подходящий момент... Она была такая умиротворенная эти месяцы. Её последнюю книгу хорошо приняли, ты окончила школу, тебя приняли в университет. Она вся светилась. И тут я со своей исповедью... Я просто не знал, как начать этот разговор. Я ведь всё равно люблю твою мать, хоть и не так, как мне бы хотелось...

– Откуда она взялась, эта Эйприл?! – в бессильной злобе воскликнула Дженн.

– Она моя коллега по работе. Её перевели год назад в наш филиал из Бостона. Тогда всё и началось. – Видно было, что отцу нелегко давались эти признания.

– Значит, целый год? – Дженн вздохнула. – Ты ведь понимаешь, что я на её стороне?

Отец покорно кивнул.

– И я поеду с ней хоть сейчас, и хоть на Аляску, – Дженни помолчала. – Я люблю тебя, папа. И, конечно, прощу. Но... не показывайся нам на глаза в ближайшее время. Я сама тебе позвоню.

Отец ссутулился ещё больше на своем стуле, казавшемся игрушечным под рослой фигурой.

– Я могу помочь с переездом? – без особой надежды спросил он.

– Ты же знаешь маму, – Дженни впервые улыбнулась. – Она у нас взрослая девочка.

– Да, совсем взрослая, – отец криво улыбнулся в ответ.

– Мне пора, – Дженни встала и взяла букет. – Ты идёшь?

– Я посижу ещё здесь, – отец непроизвольно бросил взгляд на часы.

– Поняла. Передавай Эйприл привет! – Дженн чмокнула отца в щёку и поспешила прочь.

Глава третья

Джордж Хэмптон был красивым мужчиной. В прямом смысле этого слова. Не симпатичным, не миловидным, а именно красивым. Его лицо обладало той счастливой классической красотой, которая не вызывает никаких споров на свой счёт даже у обладателей диаметрально противоположных вкусов. Он имел тот тип внешности, который не меркнет с годами, а лишь обретает новый шарм. На висках его тёмную шевелюру украшали тонкие нити серебра, в уголках карих глаз залегли мелкие морщинки, но он все равно оставался безупречным во всех смыслах этого слова. Его излюбленные белоснежные рубашки оттеняли не менее белоснежные зубы, то и дело обнажавшиеся в обаятельной улыбке. Женщины находили его превосходным образчиком мужской привлекательности. Джордж, прекрасно осведомленный о производимом им впечатлении, частенько и беззастенчиво пользовался этим в своих целях. Если очередным его деловым партнером оказывалась женщина, Джордж нацелено подключал свое обаяние и умудрялся заполучить контракт на более выгодных для себя условиях.

Нет, он не был закоренелым ловеласом, как можно было бы предположить. Напротив, все эти годы он любил лишь одну женщину, свою жену. Но лёгкий флирт, обмен комплиментами и прочие скромные радости женатого мужчины он с удовольствием себе позволял. Неудивительно, что его добивались многие прекрасные дамы, но все они неизменно терпели поражение.

Анна была для него святыней. В первый же день, когда Джордж увидел её, будучи ещё студентом, он решил, что эта девушка станет его женой.

Анна была словно из другой вселенной. Она постоянно витала в облаках, размышляя о непонятных для него бесплотных вещах. Её не интересовало то, чем обычно живут почти все девушки её возраста. Косметика, короткие юбки и облегающие топы, всё то, чем сверстницы завлекали парней, не существовали для Анны. Она была худенькой девушкой в простых джинсах и неопределенного вида кофтах, напрочь лишенных малейшего намёка на сексуальность. И всё же он заметил её. Анна показалась ему волшебным созданием, сбежавшем из сказки про эльфов и фей. Рядом с ней он чувствовал себя сильным и взрослым мужчиной, ему хотелось защищать свою хрупкую избранницу от любой опасности, оградить её наивную душу от далеко не сказочной действительности.

Брак с Анной Джордж справедливо считал самой большой удачей в своей жизни. Она подарила ему бесценную Дженни, его главное сокровище. Их связывали долгие-долгие годы тихого семейного счастья, и предстояло ещё много таких прекрасных, не богатых событиями лет... Если бы однажды Эйприл Гринн не переступила порог его офиса.

Эта девушка была совсем иного склада, нежели его Анна. Она не прогуливалась по жизни неспешным шагом, смакуя её прелести, а четко осознавала свои цели, и продвигалась к ним, не глядя по сторонам. К двадцати семи годам она достигла немалых успехов в карьере. Начав с должности простого секретаря, она взлетела по карьерной лестнице до руководителя направления. Уникальная способность налаживать и поддерживать отношения с клиентами и коллегами сыграла решающую роль в её судьбе. Когда Джорджу понадобился помощник, все единогласно указали на Эйприл. Едва передав полномочия своему преемнику, она тем же вечером села за руль своего авто и помчалась по трассе Бостон – Нью-Йорк, ибо такими возможностями не пренебрегают.

Яркая и амбициозная девушка поразила Джорджа с первого взгляда. Пульс его мгновенно учащался, стоило ей зайти к нему в офис по какому-нибудь вопросу. Он не стал себя обманывать и с горечью признал тот факт, что его очень и очень волнует её внешняя оболочка. Пышные наливные груди, распирающие застегнутую на все пуговицы блузу, дни и ночи напролет будоражили воображение Джорджа. Узкая юбка со скромным разрезом сзади буквально

сводила с ума. Да, сексуальность Эйприл била наповал, и она умело её подчеркивала, не заходя за границы, дозволенные жестким дресскодом компании.

Их роман начался бурно и стремительно. Уверенная в себе, девушка первая проявила инициативу. Её новый босс сопротивлялся какое-то время, настойчиво вызывая в памяти нежный образ своей жены, словно оберег. Джордж всячески избегал общения с новоприбывшей сотрудницей, что было не так просто, ведь они бок о бок работали над общим проектом.

Но плотина его целомудренности не выдержала натиска и вскоре прорвалась, извергая на все четыре стороны оглушительные водопады брызг.

Эйприл во всем была на высоте. И в работе, и в постели. Они с Джорджем были словно слеплены из одного теста. Оба – целеустремленные, хваткие и принципиальные. Оба – трудолюбивые, загорающиеся как спички при виде трудной задачи, новой высоты. Эйприл была понятна и ясна Джорджу, она так же понимала и его. Эти двое обрели друг в друге родственные души.

Отношения с Анной стали мучительными для неверного мужа. Каждый раз, глядя в её доверчивые глаза, Джордж испытывал почти физическое страдание. Она не задавала никаких вопросов, даже когда он являлся глубоко за полночь, безоговорочно принимая любое его объяснение. Однажды, занимаясь сексом с женой, вместо её небольших девичьих грудок Джордж вдруг увидел перед собой обнаженные, ритмично колышущиеся полные груди своей любовницы. Жаркие образы беспрепятственно проникли в мозг, заметно приблизив финал. После этого случая Джордж пообещал самому себе, что завтра же порвет с Эйприл.

Однако, придя на работу и увидев там её, такую непростительно молодую, такую притягательную, он тут же позабыл о своем намерении.

Постепенно стыд перед женой стал ослабевать. Он по-прежнему уважал и ценил Анну, но страсть к Эйприл вытеснила из сердца любовь к ней. Осознав, что дело зашло слишком далеко, Джордж принял самое непростое в своей жизни решение. Он тщательно все взвесил, обдумал все возможные последствия и стал ждать подходящего случая, чтобы объясниться с Анной. Но тот все не подворачивался. Положа руку на сердце, Джордж признался себе, что просто боится, ведь обратной дороги уже не будет. Он малодушно оттягивал признание, оправдывая себя нежеланием причинить Анне боль.

Тот день, когда жена застала его с Эйприл у дверей собственного дома, стал отправной точкой всех грядущих изменений в жизни обоих. Джордж совсем не так представлял себе этот разговор, он заранее заготовил множество с умом выстроенных фраз, смог подобрать правильные, как ему казалось, слова, но все они разом улетучились из головы. Осталась лишь болезненная неловкость перед Анной. Джордж смог выдавить из себя несколько банальных и глупых изречений, не передававших и сотой доли того, что он хотел сказать.

Анна ушла в дом, а он все стоял, глядя на запертую дверь и проклинал свою косноязычность, пока не подъехало такси. Эйприл усадила его в автомобиль и увезла к себе.

Остро чувствуя себя виноватым, Джордж решил поговорить с дочерью как можно скорее, он хотел постараться все объяснить хотя бы ей. Дженни поняла. Она всегда понимала его больше, чем кто бы то ни было. Известие о том, что Анна покинет страну в ближайшее время, поразило его до глубины души. Целая эпоха жизни исчезала вместе с ней. В своем воображении он рисовал идиллические картины будущего, в которых Эйприл и его Анна смогут когда-нибудь сесть за общий стол, ведь его жена была необыкновенной женщиной, которой не свойственны злость и долгие обиды. Но теперь это становилось недостижимым.

Много мыслей и переживаний принес Джорджу тот день. Он морально и физически вымотался, и уснул мертвым сном в съёмной квартире своей любовницы.

А на следующее утро Джордж Хэмптон проснулся совершенно счастливым. Так или иначе, всё было сказано. Огромный камень свалился с души. Больше не нужно было врать и скрываться. Рядом была любимая женщина, а впереди – новая жизнь.

Глава четвёртая

Такси мчалось по дороге, окруженной с обеих сторон низкорослыми кустарниками, сквозь которые виднелись бесконечные поля. Остался позади приземистый аэропорт с его многоголосым шумом, а также десятичасовой перелет над Атлантическим океаном. Солнце давно завалилось за горизонт, и оранжевый свет фонарей разлился над шоссе.

Любопытная Дженни и словоохотливый водитель вмиг обрели друг друга. Девушка засыпала пожилого мужчину вопросами чуть ли не о каждом метре дороги, а тот обстоятельно и с удовольствием ей отвечал. Огненные блики играли в рыжих волосах таксиста каждый раз, когда он поворачивал голову к Дженнифер.

Анна съёжилась на заднем сиденье, укутавшись в вязаный кардиган. К разговору она почти не прислушивалась.

Тем временем автомобиль въехал в черту города. По обеим сторонам дороги выросли небольшие двухэтажные домики с двускатными крышами, тесно липшие друг к другу, перемежаясь с пышными кронами деревьев. Дженни пришла в полный восторг от этого зрелища, о чем и заявила во всеуслышание.

– Это ещё окраина города, мисс, – самодовольно комментировал таксист. – Обязательно сходите к нашему Кафедральному собору, не пожалеете. Он в самом центре города. Вам, как молодой девушке, будет интересно прогуляться по кварталу Принцесшей. Уж там полно всяких модных магазинчиков, – своеобразный акцент выдавал в нём ирландца. Имя Патрик так же недвусмысленно намекало на происхождение дружелюбного мужчины.

Дженни тут же принялась выспрашивать подробности о жизни в городе, особенно интересовал её университет.

– У него много зданий, мисс, штук пять, а ещё бизнес-школа. Для разных наук – своё здание. Три студенческих городка. Правда, один в другом городе, не так уж далеко отсюда. В Пенрине. Слыхали? При этих кампусах много чего интересного построено. Студенты живут из разных стран. Кого я только не возил туда. И немцев, и русских, и даже китайцев. И как вас, американцев, – Патрик добродушно усмехнулся.

Путь оказался недолгим, всего через двадцать минут езды по узким улочкам машина затормозила перед высокой живой изгородью.

Анна и Дженни с трудом вылезли из машины, распрямляя свои тела, измученные долгим перелётом.

– Мам, смотри! Старинные замки! – воскликнула девушка.

Напротив них и вправду располагалось длинное двухэтажное здание, напоминающее своим видом средневековый замок. Выступающие эркеры окон были отделаны грубым серым камнем, а само здание было из выцветшего красно-рыжего кирпича. Крышу украшали небольшие мансарды с острыми треугольными крышами, дополняя общее сходство со старинной постройкой. Из окон лился приглушенный свет, и вся картина в целом напоминала иллюстрацию к сказке.

– Необыкновенно красиво! – восхитилась Анна.

Она посмотрела по сторонам и поинтересовалась:

– Только где же наш дом?

С улицы виден был лишь высокий длинный забор, увитый диким виноградом, и листовенные шапки деревьев, выступающие над ним.

– Ваш дом скрыт со всех сторон, – с улыбкой сказал Патрик. – Вон дверь, открывайте. В свете фонаря, посреди буйных зарослей, еле различимо виднелась кованая калитка.

С трудом справившись с замком, Анна, наконец, отперла калитку. Прямо перед ней внезапно вырос двухэтажный дом, белоснежный, с огромными окнами. С его левой стороны, один позади другого, росли огромные дубы-исполины.

– Ух ты! – выдохнула подоспевшая Дженни. – А в буклете он казался намного меньше!

Входная дверь была почти полностью из стекла, лишь три затейливо изогнутые декоративные полосы, выполненные из металла, пересекали её сверху вниз.

Анна вошла в дом и нащупала на стене выключатель. Изнутри помещение выглядело даже больше из-за нежилой пустоты. Дженни и водитель занесли вещи, разместив их кучкой посреди голого пола.

– Всего доброго, дамы! – пожелал им приятный мужчина и исчез во мраке сада. Слышно было, как он аккуратно притворил калитку.

– Я закрою! – крикнула Дженни и, выхватив у матери связку ключей, убежала следом. Анна услышала их голоса, – общительный таксист явно не торопился домой.

«Боже мой, что я натворила!» – подумала она, глядя на гору чемоданов и сумок.

С того самого момента, как ей стало известно о неверности супруга, Анна погрузила себя в эмоциональную кому. Как запрограммированный робот, она занималась текущими делами: оформляла бумаги на покупку дома, продавала свой «BMW», встречалась с агентом по недвижимости, ездила в издательство, упаковывала вещи...

Они с Дженни решили пока ничего не говорить родственникам и знакомым, и обставили дело так, что их отлет выглядел согласно первоначальному плану, – мама летит в Англию на время присмотреть за дочерью.

Анна весело щебетала по телефону с матерью Джорджа, обсуждая детали поездки, а Дженн вздрагивала всякий раз от её смеха, зная, сколько сил уходит у матери на подобные спектакли.

Отец сдержал свое слово, и ни разу не появился. Вопрос о разводе до сих пор оставался открытым.

Вещи собрали довольно быстро, что было неудивительно. Анна не взяла с собой ничего, кроме их одежды, пары комплектов постельного белья, туалетных принадлежностей и своего рабочего ноутбука. Две тарелки, две чашки, пара ложек и вилок, один нож – всё.

У Дженни было свое мнение на этот счёт. От Элла она знала, что кроме кроватей и нескольких стульев в их будущем жилище ничего нет. Но она не вмешивалась, понимая, что мама хочет навсегда вырвать из сердца свой обожаемый дом, свое детище, чтобы ничто не напоминало о прошлой жизни.

Анна была благодарна дочери за молчание, она просто не в силах была сейчас думать об их будущем быте.

И вот теперь, стоя в совершенно пустом доме, среди своих чемоданов и дорожных сумок, Анна впервые позволила себе услышать свои мысли.

«Боже мой!» – повторила она, оглядываясь по сторонам.

– Ты так и стоишь?! – голос Дженни вывел Анну из ступора. – Пошли смотреть!

И они обошли весь дом, включая и выключая свет поочередно во всех комнатах.

Эллу отдали должное, – дом был весьма и весьма неплох. Конечно, он сильно уступал размерами их квартире на Манхэттене, да и комнат было в два раза меньше, но планировка производила приятное впечатление.

Два этажа. Первый – почти прозрачный из-за обилия стекол. Высокий потолок. Пространство не поделено никакими перегородками. Кухня с широкой барной стойкой по левой стороне дома плавно переходила в прихожую по центру. Та, в свою очередь, превращалась в небольшую гостиную с огромным, в потолок, книжным стеллажом у правой стены. Удивительно, но стеллаж весь был уставлен книгами. Прежние хозяева отчего-то решили не увозить их с собой.

По противоположной от входа стене поднималась лестница, ведущая на второй этаж. Где-то в двух метрах над полом она делала крутой разворот на девяносто градусов, образуя небольшую площадку. Второй этаж лестница симметрично делила пополам. Позади и впереди неё были огромные прямоугольные окна. По обеим сторонам – кремового цвета стены, с двумя дверьми в каждой. Получался коридор средней ширины. Заглянув во все двери, мать и дочь определили, где будут их комнаты. По заднему фасаду расположилась комната Анны, напротив неё, через коридор – единственная ванная комната. По той же стороне, что и ванная, выбрала себе спальное место Дженни. Последняя комната ничем не отличалась от остальных двух.

Одно окно Дженни выходило на узкую улочку за домом, а другое, фасадное – на тот самый дом-замок, что очень её обрадовало. Этим волшебным видом она и руководствовалась, делая свой выбор.

У Анны тоже было два окна, – по тыльной стене дома и с его левой стороны. Оба выходили во двор. Боковое окно прикрывал ветвями один из двух раскидистых дубов, росших на лужайке.

«Можно сбежать отсюда, спустившись по дереву», – почему-то пронеслось у нее в голове.

Дженни успела сходить вниз за своими сумками, и теперь шумно грохотала ими в своей новой комнате.

Анна спустилась на первый этаж. После такого долгого, изнурительного путешествия она не нашла в себе сил разбирать вещи. Выбрав чемодан, в котором лежало постельное белье, она поволокла его наверх. Остановившись на лестничной площадке, Анна ещё раз оглядела дом. Из-за отсутствия мебели он выглядел пустынным и необжитым, с чужими неприветливыми запахами.

Анне тут же привиделась светлая гостиная с сотней любимых мелочей, с огромным диваном цвета сливок, камином и изящным стеклянным столиком ручной работы. Она даже ощутила лёгкий аромат жасмина, неизменно присутствовавший в их с Джорджем квартире. На глазах выступили слёзы, стало больно и тесно в груди. Анна ухватилась за перила, чтобы не упасть. Несколько секунд она пыталась совладать с собой.

– Мам, иди сюда! – раздался голос Дженни.

Анна быстро утёрла слёзы, дождалась, пока дыхание восстановится, и только после этого пошла наверх.

Дженни сидела на незастеленном матрасе и с интересом что-то разглядывала. Вид собственной дочери в чужой комнате больно резанул по сердцу. Но она взяла её в руки и на этот раз.

– Смотри, что я нашла под кроватью, – Дженни протянула матери какой-то предмет. Им оказалась небольшая фарфоровая фигурка – прекрасный юноша в старинной английской одежде. По видимости, так когда-то одевалась английская знать. С робкой улыбкой он протягивал Анне белую розу. Художник мастерски изобразил сложную игру чувств на хорошеньком фарфоровом личике, – юноша будто бы боялся, что его розу не примут, и в то же время страстно надеялся на обратное.

– Он чудесный!.. – улыбнулась Анна.

– Возьми его в свою комнату, – сказала Дженни. – Поставишь на окошко.

– Я слишком стара для столь юных бойфрендов, пусть даже декоративных, – отшутилась мать. – Оставь его себе.

Анна вытащила постельный комплект, небольшую подушку, и они вместе заправили постель Дженни. От белоснежного белья в веселую бирюзовую и розовую полоску сразу стало немного уютней. Анна поволокла чемодан дальше, в свою комнату.

– Тебе помочь? – спросила Дженни.

– Нет, дорогая. Ложись спать. Завтра у нас много дел.

– О, да! Великое множество! – Дженни с удовольствием плюхнулась на застеленную кровать. – Обещай, что как только мы разделаемся с вещами, сразу пойдем гулять! Я хочу посмотреть всё-всё!

– Конечно, пойдём, – сказала Анна, любуясь красивым сонным лицом своей дочки.

Оставшись одна, она быстро заправила постель, выключила свет, разделась, – одежду пришлось сложить на подоконник, – и сразу нырнула под холодное одеяло.

Сквозь незанавешенные окна ярко светила луна, нежно посеребрив листья дуба. Лёгкий ветерок слегка колыхал их, создавая замысловатое мерцание света на стенах.

Анна лежала, прислушиваясь к голосу дочери, напевавшей какой-то невообразимый мотив. Она так устала, что без единой мысли стала проваливаться в сон.

– Мама!.. – громкий шепот Дженн вырвал её из глубокой дремоты.

– Ммм?..

– Мама... это всё ничего... – глаза девушки в темноте казались огромными. – Мы справимся! – она погладила мать по волосам. – Ты у меня такая сильная! Всё у нас будет хорошо...

Дженни подошла к окну.

– Ну и дерево!.. Вот это ветвищи!.. А знаешь, что? – она резко обернулась к матери. – Не удивлюсь, когда через это самое окно к тебе начнут влезать воздыхатели!

– Дженнифер! – возмутилась Анна.

Дженн хохотнула и выбежала из комнаты. В дверях она оглянулась, и сердце её сжалось, – какая же крохотная её мама в этой широкой двуспальной постели. Прямо маленькая девочка. Брошенная маленькая девочка...

«Ничего, – сказала себе девушка, – я буду рядом и не позволю ей загнать себя в депрессию».

Она осторожно прикрыла дверь и пошла к себе.

А Анна обнаружила на подоконнике ту самую статуэтку. Облитый лунным светом юноша с улыбкой протягивал ей свою маленькую розу.

Она усмехнулась про себя: «А вот и первый воздыхатель». Сама того не заметив, Анна погрузилась в сон.

Глава пятая

Городок графства Девоншир под названием Эксетер, что уютно расположился посреди бескрайних зелёных полей Великобритании, с первого взгляда влюбил в себя Анну и Дженн. Здесь не было ни одного высотного здания, даже в центре. Затеяливые изогнутые улочки с узкими, мощёными камнем тротуарами, своеобразные домики, плотно пригнанные друг к другу и обилие зелени создавали атмосферу далекого-далекого прошлого. Казалось, в любой момент по одной из старинных улиц могла запросто пройти Джейн Остин, размышляя над новой книгой.

Погода радовала уже которую неделю, – ни одного пасмурного дня. Оказалось, эти места одни из самых тёплых и солнечных в этой стране. В их родном Нью-Йорке в августе обычно стояла назойливая жара. Здесь же, несмотря на безоблачное небо, столбик термометра не переваливал за двадцать градусов по Цельсию. Воздух был свежим, пьянящим, насыщенным ароматами полевых трав.

Мать и дочь, когда не были заняты делами насущными, связанными, в основном, с университетом и покупкой нового автомобиля, всё свободное время проводили вне дома.

Они ездили к Кафедральному собору и были очарованы его впечатляющими размерами и мрачной готической красотой. Побродили по местному парку Ружмонт Гарденс, в дивных Садах Нозернхей. В них росло не так много высоких деревьев, и потому незатенённые лужайки купались в солнце. Позади старого замка Ружмонт, и по всему парку, прямо на траве отдыхали жители и гости города.

Не передать словами, сколько интересных зданий встретили они в этом маленьком городке. Дженн неистово щёлкала фотоаппаратом при виде очередной архитектурной находки. Их удивила и рассмешила улица с претензионным названием «Парламент стрит». В самом узком месте она была шириной всего шестьдесят четыре сантиметра. Проходившая мимо пожилая дама с гордостью поведала им, что это самая узкая улица в мире.

Спокойная река Экс делила город на две неравные половины. Уже за его пределами река расширялась и впадала в Ла-Манш. Анна и Дженн переплывали эту реку на необыкновенном старом пароме, который до сих пор работал на ручной тяге и считался одной из местных достопримечательностей.

Когда Анна приобрела, наконец, автомобиль, своего любимого зелёного цвета, – они сразу же поехали к проливу. Гуляли босиком по сырому песку вдоль воды и любовались красивым пейзажем. Дженн с удовольствием поплавала, а Анна не решилась зайти в холодную воду Ла-Манша, за что была бесцеремонно обрызгана с головы до ног.

И особенно им обоим понравился рынок в центре города. В весёлой шумихе там можно было купить любую еду, от свежих продуктов до готовых угощений на любой вкус.

Жизнь в Эксетере была размеренной и неторопливой. Люди ходили по улицам не спеша, без суеты. Даже студенты, казалось, никогда и никуда не торопились. Наслушавшись от друзей о чопорности англичан и их антипатии к американцам, Дженни с радостью обнаружила, что к местным жителям это совершенно не относится. Они с охотой отвечали на любой её вопрос. Американский акцент выдавал мать и дочь с головой, но ни разу они не ощутили ни малейшего проявления недружелюбия по отношению к себе. Всё вокруг настолько отличалось от их родного Нью-Йорка, будто две параллельные реальности. Даже Анна стала понемногу «высывать кончик носа из своей раковины», – как говорила Дженн, – интересуясь непривычными для неё нравами горожан.

Минуло уже две недели, как Дженни стала ходить на занятия, а мебели в доме так и не прибавилось. Они настолько привыкли обходиться двумя кроватями и двумя стульями, поль-

зваться своими чемоданами как шкафами, что не испытывали по этому поводу ни малейшего дискомфорта.

Но однажды утром, обедая хозяйским взглядом зияющие пустоты зала, Анна сказала:

– Так дальше продолжаться не может. Живём как спартанцы.

Они сидели на кухне за барной стойкой, и пили кофе. Дженни пальцем размазывала сливочное масло по булке в виду того, что мама делала то же самое их единственным ножом.

– А мне нравится, – сказала девушка. – Никаких тебе пыльных диванов.

– К тебе могут прийти друзья, и им просто некуда будет сесть! – Анна покончила с хлебом и передала нож дочери, но той он уже был без надобности.

– Сядут на пол, – ответила Дженни, облизывая палец.

На самом деле она обрадовалась, что мама впервые заинтересовалась бытовым вопросом, – это был хороший знак.

– Впрочем, если тебе так хочется – сходи, присмотришься. Осталось ещё полно денег на твоём счёте. Или, давай завтра сходим вместе, у меня будет выходной.

– Я схожу сегодня, хочу прогуляться.

На том и порешили. Дженни побежала на семинар, и сквозь окно Анна увидела симпатичного парня за их калиткой. При виде девушки он радостно замахал рукой и что-то выкрикнул, а Дженни залилась смехом.

Анна лишь улыбнулась в чашку с кофе.

«Дженни... – с нежностью подумала она, – что бы я без тебя делала?..»

Анна безумно любила свою дочь. Их противоположные характеры, вопреки всему, сближали, а не разъединяли их. У Дженни был особенный талант притягивать к себе людей всех возрастов. В любом новом обществе она словно занимала давно уготованную ей нишу. Там, где появлялась Дженнифер, сразу образовывался единый круг друзей и знакомых, совершенно разные люди сближались и начинали жить общими интересами, проблемами, событиями. Её быющая ключом энергетика объединяла всех.

Так и в Эксетере. Уже в первый день занятий она организовала в одном из кампусов университета «вечеринку первашей» для новоприбывших студентов со своего факультета. Попали на неё и первокурсники с других направлений, и ребята постарше. После вечеринки Дженни объявила матери, что «влюбилась без памяти».

Анна не возражала, – она никогда не боялась за дочь в этом плане. Дженн умела себя поставить так, что человек с низкими помыслами либо просто не приживался рядом с ней, либо резко менял свое поведение. Она была девственна, и Анна знала это наверняка. Случись что-нибудь в этом роде, Дженни пришла бы к ней и поделилась, как с лучшей подругой.

Анне было гораздо сложнее сходить с людьми. Ей требовалось время, чтобы присмотреться, прежде чем определить, насколько близко она подпустит к себе нового знакомого. Вероятно, в этом повинны отношения её родителей, никогда не проявлявших своих чувств на людях. Даже на похоронах отца мать Анны не проронила не слезинки. Только одна Анна и понимала, чего ей это стоило. На другой день мама просто слегла. Не прошло и полугода, как она тихо ушла вслед за отцом.

Анна допила свой кофе и стала собираться. Она впервые выходила из дома без Дженни. Открыв чемодан, Анна долго перебирала свои деловые костюмы, строгие блузы, изящные жакеты. Ровным счётом, ничто не подходило для пешей прогулки по этому провинциальному городу. Здесь был совершенно иной ритм жизни, нежели в Нью-Йорке. Она привыкла ходить быстро, почти бегом. Да и сложно было идти, не торопясь, по оживлённым улицам мегаполиса.

Жители Эксетера, казалось, не видели ни малейшего смысла в спешке. Даже речь их была медлительной и обстоятельной.

Анна стала разочарованно укладывать свою одежду обратно в чемодан, как вдруг из вороха вещей показался край светлой ткани, отделанной тонким узким кружевом.

«Мое платье?» – она вытащила его из общей кучи. Это было по-весеннему нежное льняное платье сливочного цвета на лёгкой шелковой подкладке. Тонкие бретели, низко вырезанная спина. Платье было свободного кроя, слегка суженное под грудью и длиной до середины колен. Анна совершенно не помнила, чтобы она брала его с собой.

Его купил Джордж. Они путешествовали по Венеции, в кои-то веки вдвоем, без дочери. Анне это платье совершенно тогда не понравилось, но муж говорил, что в нём она похожа на Лолиту из романа Набокова, и заставлял носить его на отдыхе почти каждый вечер.

«Как будто я, старый негодяй, соблазнил юную деву», – прошептал он ей на ухо, когда они ужинали в уютном тесном ресторанчике.

Воспоминания вихрем пронеслись в голове, пока Анна держала в руках это платье.

Она ни за что не надела бы его, будь под рукой хоть что-то мало-мальски подходящее. Но Анне до того надоело чувствовать себя бизнес-леди среди туристов, и погода стояла такая на удивление тёплая для середины сентября, что было принято решение идти в нём.

Вздыхнув, она стала переодеваться. Бюстгальтер пришлось снять, иначе бы он откровенно выглядывал из выреза на спине. Почувствовав себя совершенно голой в невесомой ткани, Анна придирчиво оглядела себя в зеркале со всех сторон: «Что ж, вполне пристойно». Платье не просвечивало, и её наготу ничто не угрожало. Тем не менее, поверх платья была накинута коротенькая джинсовая куртка Дженн, синий цвет которой как нельзя лучше подчеркивал глаза Анны. Теперь только волосы, стянутые на затылке в тугий пучок, вызывали сомнения. Анна вынула шпильки, и каскад блестящих каштановых кудрей упал на плечи.

Прихватив сумку и надев туфли телесного цвета, она вышла на улицу.

Путь её имел конкретную цель – небольшой мебельный магазин совсем недалеко от дома, – на машине она добиралась до него минут за пять.

На двери лавки красовалась надпись: «Распродажа». Анна вошла внутрь под мелодичный звон дверного колокольчика. Магазин был очень тесно заставлен. В хаотичном порядке классическая мебель перемешивалась с современной, в стиле хай-тек. Совершенно никакой системы в расположении предметов. Опытным взглядом Анна сразу отметила несколько интересных вещей, из которых можно было составить приличный интерьер. Ценники тоже приятно удивили.

– Могу я вам помочь? – откуда-то из недр помещения выплыла невысокая полная женщина средних лет.

– О, да! – Анна не скрывала радости. – Я думаю, что сегодня мне очень повезло.

– Вы о ценах? – улыбнулась женщина, – мы закрываемся, вот и распродаем весь товар, все оставшиеся выставочные образцы. Уж простите за беспорядок. Мы с мужем переезжаем в Лондон, к дочке. Я, знаете ли, стала бабушкой двух мальчишек-близнецов.

– Поздравляю вас! Это большое счастье, – Анне сразу понравилась искренняя манера общения хозяйки магазина. – Как вас зовут, миссис...?

– Никакой миссис! Просто Грейс.

– Что ж, Грейс, я помогу освободить место в вашем магазине, – сказала Анна. – Я присмотрела интерьер, и мне бы ещё хотелось подобрать к нему разные детали – светильники, вешалки, подставки...

– Я вам всё покажу и расскажу! – обрадованно прервала Грейс.

Спустя долгие два с половиной часа дело было сделано. За приятной беседой вся мелочь была обернута пузырчатой пленкой и расфасована по коробкам. Мебель была уже собрана, так как оставалась в единственном экземпляре.

– Ох, Анна! – хозяйка вдруг всплеснула руками. – Я же совсем забыла! Мои грузчики рассчитались сегодня утром! Нашли другую работу и не пожелали остаться до закрытия. Есть Колум, водитель, но он сорвал спину на днях. Некому закинуть вещи в фургон...

Женщины задумались.

– Вот что, – после паузы сказала Грейс. – У нас есть два варианта. Либо заказать доставку у другой фирмы, и я сама вам её оплачу. Либо мой муж соберет своих друзей, и они все перенесут. Но в любом случае, это произойдет не сегодня. Придется потерпеть до завтра или даже до послезавтра.

– Завтра? – Анна вошла в раж и совершенно не хотела терять ни дня. – Пойдите...

Она достала телефон и стала набирать дочери.

– Мам, не волнуйся, я почти уже иду! Просто зависли с ребятами в кафешке, так что не волнуйся – я не голодная! – скороговоркой затараторила в трубку та.

– Дженни! – Анна с трудом остановила этот поток информации. – Мне нужна ваша помощь.

Спустя всего полчаса в конце улицы показалась Дженн, единственная девушка в компании рослых молодых парней, явно не первокурсников. Анна лишь возвела глаза к небесам, – что с ней поделаешь!

Подойдя к магазину и оценив фронт работ, дочь тут же принялась командовать своей свитой. Мебель быстро перемещалась в фургон. Видя это, Анна поспешила домой.

Она едва успела вставить ключ в замок, когда фургончик Колума, в сопровождении стайки не поместившихся в него студентов, остановился возле калитки. Она открыла дверь и юркнула в дом. Следом уже бежали друзья Дженн, таща на себе мебель и коробки. Шумная разноцветная толпа миглом всё занесла и ретировалась, выкрикивая прощальные слова.

Последним, с креслом в руках, вошел высокий русоволосый парень и опустил свою ношу на свободное место. Он имел приятную наружность и нагловатый оценивающий взгляд светло-зелёных глаз. Он уставился на Анну с нескрываемым интересом.

– Честно говоря, вы совсем не похожи на маму Дженн, – низким голосом произнёс субъект.

– Она больше похожа на своего отца, – Анна слегка оторопела от такого бесцеремонного разглядывания.

– Я не о том, – парень улыбнулся полными губами. – Вы, в принципе, ни на чью маму не похожи.

Анна уже не нашлась, что на это ответить и молча смотрела, как он выходит. Задержавшись на секунду в дверях, субъект заявил:

– Завтра с утра приду. Надо расставить все это.

– Хорошо... – только и сказала Анна, ожидая, когда же он, наконец, уйдёт.

Оставшись одна, она упала в кресло, принесённое странным типом, и энтузиазм вышел из неё в то же мгновение. Только сейчас Анна поняла, что день близится к вечеру.

Стулья, кресла, коробки, шкафы, и диван в полнейшем беспорядке загромождали все свободное пространство. Совершенно опустошенная, Анна поднялась к себе. Приняв душ, она проглотила две таблетки снотворного и уснула тяжёлым сном без сновидений.

Анна проспала до позднего утра. И проспала бы гораздо дольше, если бы не настойчивый звонок в дверь.

Чертыхаясь, она натянула на себя пижаму Дженни, неведь как оказавшуюся на подоконнике, и пошла вниз, путаясь в длинных штанинах, на ходу приглаживая растрёпанные волосы.

За стеклянной дверью стоял вчерашний знакомый. Не отрывая руку от звонка, он следил сквозь стекло за её приближением.

– Ну и видок у вас, – сказал он, едва Анна открыла дверь.

– Сколько времени? – она твёрдо решила не обращать внимания на его манеру общения.

– Уже одиннадцать часов, миссис. Я пришёл, как договаривались.

– Какого дьявола ты притащился в такую рань?! – по лестнице к ним спускалась разгневанная Дженни, гулко топя по ступеням босыми пятками.

– Так ведь целый день угрожаем на перестановку, – парень совсем не смутился такому приветствию.

– Мама, это Хайд, и он балда, – представила его Дженн.

– Анна, – сказала Анна.

– Я в курсе, – сказал Хайд. – Давайте начинать.

Недоумевающая, Анна пошла к себе, чтобы переодеться, а Дженни принялась варить кофе, костеря Хайда на чём свет стоит.

После скорого завтрака приступили к делу. Хайд оказался на удивление толковым парнем. Он проявил неутомимое трудолюбие, а вместе с ним здравый смысл и хороший вкус. Гостиная понемногу стала приобретать жилой вид. Закончив с первым этажом, перешли на второй. Уже порядком уставшие, они наскоро расставили мебель в комнате Дженни и принялись за комнату Анны. Пришлось наполовину разобрать шкаф, прежде чем внести его в дверь. Затем Хайд снова его собрал. Общими усилиями занесли массивный комод, небольшой туалетный столик с зеркалом и письменный стол. Наконец, всё встало на свои места, лишь кровать оказалась слишком близко к столу. Пока Анна и Хайд пыхтели, передвигая её ближе к двери, Дженни уволокла мамину тумбочку к себе, заявив, что там она будет смотреться лучше.

Кровать поставили параллельно окну, и теперь Анна с Хайдом дышали, как лошади после заезда, стоя по разные её стороны.

– Хайд, спасибо тебе большое! – восстановив дыхание, сказала Анна.

– Был рад помочь, – ответил парень. – Но зачем вам такая огромная двуспальная кровать? – спросил он и тут же покраснел как помидор.

Анна засмеялась.

– Простите, миссис Хэмптон. Я всегда говорю первое, что приходит в голову, – ему явно было неловко от двусмысленности сказанного.

– Ничего, Хайд.

– Я имел в виду, что вам бы и детской кроватки хватило, такой, с бортиками, чтоб не свалиться во сне.

Анна посмотрела на Хайда, и увидела, что он вовсе не хочет её задеть, лишь в глазах его играют озорные искорки. Не выдержав, она расхохоталась, и Хайд с энтузиазмом поддержал.

– Что за гогот? – поинтересовалась из коридора Дженни.

Она как раз волоком тащила длинную прикроватную тумбу, обменянную на мамину. Хайд отстранил девушку и легко занёс тумбу в спальню.

– Твой друг считает, что эта кровать мне великовата, и надо переезжать в детскую люльку, – ответила Анна.

– Отличная мысль! Я могу укачивать тебя по ночам и подтыкать одеяльце за скромное вознаграждение, – Дженни первый раз слышала смех матери со дня их разрыва с отцом, и боялась спугнуть это настроение.

– Всё, дети! Пора срочно что-то съесть! – еле передвигая ноги, Анна побрела на кухню. За окном уже начинало темнеть, а кроме утреннего кофе с бутербродами в их желудках ничего не было.

Пока готовился ужин, и во время трапезы, Хайд до слёз смешил Анну и Дженни своими рассказами. Мать и дочь хохотали от души, Дженн даже подавилась и шумно закашлялась, чем только усилила общее веселье. На них троих снизошла эйфория, как это бывает после хорошо сделанной работы.

Сразу после ужина Хайд распрощался и ушёл.

Анна в сотый раз с удовольствием оглядела свою новую гостиную, и нашла её очень уютной. Теперь первый этаж был строже поделён на зоны. Слева кухня с барной стойкой, прямоугольным обеденным столом и несколькими стильными стульями. Небольшая прихожая ограничивалась вешалкой для одежды, небольшим шкафчиком и тумбой для обуви. А за ней

открывалась большая зона отдыха, где уютно разместился ковёр с длинным пушистым ворсом, удобный мягкий диван, небольшой журнальный столик, стеллажи, и немного декоративных безделушек, а в углу пряталась высокая изогнутая лампа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.